

Валерий Арзуманов

Юрий Буцко – композитор
Эскиз портрета

Организовать встречу советского композитора, приехавшего в частную поездку, с французскими коллегами очень трудно.

В одной из нормандских консерваторий (Нотр-Дам-де Граваншон) состоялась встреча с московским композитором Юрием Буцко. Буцко показывал записи, излагал свои музыкальные идеи и отвечал на многочисленные вопросы.

Священник Бенуа де Дардель, он же местный музыкальный критик, опубликовал статью об этом событии. Оканчивалась она следующими словами: «В нескольких фрагментах музыки ощутимо творчество композитора, который, вне сомнения, останется одним из главных композиторов своего века. Его интенсивное вдохновение подлинно».

Дифирамб сей меня сильно удивил. Буцко наш критик видел и слышал впервые. Отчего же столь щедрая похвала?

Я знаком со многими опусами Буцко. В разные годы разные его сочинения очень меня впечатляли, однако столь категоричного «да» ни его музыка, ни его образ во мне не разбудили.

В чем же дело?

Может, случайный чужой человек, «немузыкант», *увидал* Буцко «с первого взгляда», а я его не замечал во весь его рост «вблизи» на протяжении почти четверти века?

Буцко 52 года. Большую часть жизни своей он прожил в одном и том же доме на Таганке и больше двадцати лет преподает на одной и той же кафедре оркестровки Московской консерватории, где и учился у С.А. Баласаняна.

Карьера – прямая. Личность – тоже. Женат единожды: сын, дочь. Твердая семья. Найденному в молодости музыкальному стилю оказался верным на всю жизнь, впрочем, как и в той же молодости обретенным друзьям.

«Я – однолюб», – говорит он с горечью.

До композиции изучал Буцко историю в Педагогическом институте. Посему, вероятно, присущий столь часто музыкантам цеховой узости в нем не было с самого начала.

Тип темперамента Буцко – «агрессивный», «захватнический» (пользуясь терминологией Мандельштама).

В этом смысле Буцко – «в традиции».

Из чего же складывается калейдоскопически прихотливый узор его стиля? Что же он *взял*?

Прокофьев, Шостакович, может быть Мясковский; Скрябин, Стравинский, может быть Онеггер. Позднее – Берг, Шенберг.

Русские классики, немецкие (с упором на Баха и Бетховена), советская песня, крестьянский фольклор, городской – все, что было на слуху и на виду в 50–60-е годы.

Прибавим к этому живопись, литературу, театр, философию, историю религии, разнообразные точные и «неточные» науки. Буцко «изучает» и по сей день.

В эпоху информационного бума взять умеют многие. Художник же фильтрует. Одному «фильтр» дан с рождения, другим – приобретен вследствие какого-то или каких-то событий, третьим – завоеван в подвиге культурного поиска.

Не будем доискиваться до группы крови буцковского «творческого фильтра». Оставим это на сознании (или подсознании) композитора. Ясно, что «фильтр» этот был и есть.

Уже в ранних сочинениях прослеживаются особые, специфические черты его творческой натуры: «электрическая» чувствительность, глубина, ранимость, в то же время – легкость, изящество, подвижность, а главное – отзывчивость к боли, к страданию.

Эти чувства, помноженные на неистребимое упование на земную справедливость и правду, дали характер совершенно уникальный. Мечтатель с реалистом, юридивый с гордецом, схимник с воином причудливо уживаются в личности композитора. В этой «безразмерной» структуре место есть, оказывается, для всего.

«Я ни разу в жизни не ударил человека», – говорит Буцко. Некоторые страницы его сочинений буквально хлещут нас бичом по нервам.

Вероятно, эта «поляризованность», безумный сей разрыв между добром и злом и есть главный «признак» русской культуры. Бог – Антихрист, «миг блаженства» («Белые ночи») – Апокалипсис. От Гоголя, Достоевского, Чайковского, Шостаковича. Может, континентальный климат тому виной или бесконечное пространство? А может, действительно историческая роль страны сей – дать «трагический урок» человечеству, как это предрек Чаадаев? (Да не соблазнимся праздным размышлением!)

Очевидно однако, что этот тип «чувствования» и «видения» мира держит Буцко в постоянном напряжении. Его жизнь – подвижнический творческий акт, его естественное состояние – волевое усилие, его основное чувство – мировая трагедия.

Общаться с этим человеком нелегко, но контакт головокружителен, ибо Буцко не может не *давать*.

Осуждены, и знаем сами,
Мы расточать, а не копить...

Буцко расточает постоянно, но и одновременно жадно копит. Вместе со знаниями и огромной частной художественной коллекцией «накапливаются» и его опусы.

Четыре симфонии, четыре оперы, кантаты, сюиты, сонаты, квартеты, инструментальные, вокальные сочинения, музыка для театра и кино.

